

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВДЫ

ОЧЕРК

1. И ВНОВЬ ПЛЕНЯЕТ «МАСКАРАД»...

«Как новый вальс хорош!
В каком-то упоенье
Кружилась я быстрей
и чудное стремление
Меня и мысль мою невольно
мчал в даль...»

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ.

Это была необыкновенная поездка, полная странных неожиданностей и глубоких впечатлений. Москва в то апрельское утро 1940 года, кажется, была особенно хороша. Пела весенняя капель, и на улице Горького перед зданием Всесоюзного театрального общества было празднично и оживленно. В конференц-зале на трибуну поднимались ученые-литературоведы, режиссеры, драматурги. Открывалась творческая конференция, посвященная трагедии Лермонтова «Маскарад».

— Подумать только, одной лермонтовской трагедии! — вдруг удивилась она. — Вновь пленяет! «Маскарад»...

Участники конференции — цвет лермонтоведения, знаменитые профессора... Народные артисты Союза — сам Юрий Юрьев (знаменитый Арбенин!). И рядом с ним она, молодая актриса из Воронежа — Клара Незванова.

После торжественных речей возникает острая полемика. Спорят об Арбенине, и Юрьев увлеченно рассказывает о сокровищнице роли.

— Нина? — спрашивает в своем докладе один из профессоров. — Милая и трогательная женщина, но, право же, очень незначительная. Все исполнители, которых довелось мне видеть, такой ее себе и представляют — капризной и легкомысленной, беспечной и веселой. Они с безмятежной улыбкой на устах приближаются к роковому финалу, а когда он наступает, с отчаянной решимостью внезапно пойманного зверька борются за жизнь.

Молодая актриса просит слова. Незванову знают здесь — совсем недавно их театр был на гастролях в столице и показывал «Маскарад». Нина у Незвановой была необычная.

— Вы находите, что Нина — существо, не отличающееся глубиной. — взволнованно говорит актриса, обращаясь к профессору. — А факт ее появления на маскараде даже компрометирует Нину в ваших глазах! Но как же легко обмануться в Нине, если не рассмотреть за легкостью речи, присущей светским женщинам, ее душевной чистоты, прозрачности, ее тяготения к прекрас-

ному, ее неудовлетворенности пустотой окружающего общества, ее способности глубоко чувствовать. Как это ни странно, — продолжает Незванова, — о Нине так же мало написано, как мало говорится здесь. Лермонтов же любит в Нине Арбенина, его любовь к ней и его страдания от нее... Я могла бы бесконечно много сказать о Нине... — Актриса на мгновение задумывается и видит, как чутко ловит зал каждое ее слово.

«Как легко обмануться! — думал профессор, глядя на актрису, сбегающую со ступенек трибуны. — Я и не подозревал, что в этом хрупком создании скрыт не только художник сцены, но поистине оригинальный и интересный ученый!».

...Историю эту довелось мне услышать на Ленинских горах, в Московском государственном университете, где в прошлом году проходила очередная Лермонтовская конференция. В докладе «Лермонтов на советской сцене» Незванову назвали одной из лучших исполнительниц Нины в «Маскараде».

2. РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО МОЛОДОСТЬ

Театр был ее тайна, и тайна глубокая. Впечатления дет-

ства — таинственный полумрак сцены, неповторимое очарование сказочного спектакля, в котором юный принц искал любимую Белоснежку. Зерно попало на почву. Оно созрело, готовилось выбросить росток, набирало силы. Это было неосознанное еще, быть может, стремление к театру. Она жила в те годы одной жизнью с героиней романа Достоевского «Неточка Незванова». Неточка, казалось, помогала Кларе в трудные дни. Отец работал в пекатне, пил. Мать делала тешные попытки вывести «в люди» шестерых детей.

Книга обрывалась. Как жаль, что она не была дописана! Девочке казалось, что Неточка — существо светлое и цельное — это она, Клара, вконец измененная тяготами жизни, но гордо смотрящая вперед. Она видела и продолжение судьбы своей героини. Неточка будет актрисой, и замечательной! Она верила, что писатель хотел подарить героине счастье в полное вознаграждение за тяготы жизни.

Пришел Октябрь. На Пролетарской-Волжской улице Астрахани открыли клуб рыбаков. Кларе было четырнадцать, когда она стала заниматься в драматическом кружке, участвовать в первых спектаклях.

«Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!»

— читала она Блока.

Январским вечером после спектакля ей впервые преподнесли живые цветы. Первый успех... А дома ждал брат — разгневанный, кипящий от негодования. Дома не признавала театра. Счастье, что о спектакле не узнал отец.

Вскоре в студии при драматическом театре появилась новая ученица.

— Фамилия? — спросили у нее.

— Незванова!

...Ты ведь знаешь, что это за дорога, — вспоминала она слова разных доброжелателей. — Ты рисуешь ее яркой и заманчивой. Но разве тебе не известно, как печально искусство? Иссущающая, как чахотка, зависть, бессильные слезы отчаяния, изломанная судьба...

Она любила искусство очень серьезно, потому что хотела воздействовать на людей. В театре в это время говорили об античном репертуаре, о драматургии высоких страстей. Молодежь увлеченно спорила о народных зрелищах на площадях, о зрителе, который творит вместе с актерами. «Нет, наше искусство будет

иним! Оно проникнет в самую жизнь народа! — думала Клара. — Я научилась вызывать слезы у зрителя, но у меня будет еще больше радости, если я научусь строить новое общество, нового человека. Воздействовать на человека — великая сила искусства. Время стоит за нами, время Революции».

Она училась в студии и одновременно работала в редакции астраханской партийной газеты. Сотрудников в редакции было мало. Сам редактор ездил добывать материал на тряской тяжелой телеге. Но страницы газеты кипели событиями. Часто молодой редактор и юная его помощница вдвоем выпускали целый номер.

Все ближе к Астрахани подходила гражданская война. Ушел на фронт с Красной Армией брат. Работать становилось все труднее. Как-то один из спектаклей смотрели моряки революционной Волжской флотилии, комиссаром которой была легендарная Лариса Рейснер. Незвановой довелось говорить с ней, сохранить в памяти ее образ. «Революция — это молодость!» — запомнила актриса слова комиссара.

Чтобы по-настоящему открыть себя, надо было учиться, уехать в другой город. Она решила оставить родной дом. Эти минуты были похожи на те, Неточкины, когда «человек навсегда покидает свой дом для далекого неведомого пути, и в

последний раз оглядывается вокруг себя, мысленно прощаясь со своим прошедшим».

3. ГЛАВНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ

Театральная судьба Незвановой складывалась нелегко. Она играла на сценах Серпухова, Ростова-на-Дону... Долго кочевала по маленьким городкам средней полосы России. Борисоглебск, Липецк, Рыльск, Шигры, Ливны, Елец...

В Ярославль Клара Георгиевна впервые попала в 1929 году. На сцене Волковского театра она сыграла Софью в «Горе от ума», Луизу в «Коварстве и любви». Но только в Воронеже дарование актрисы проявилось по-настоящему. Она сохранила в себе искренность творчества. Потребовались все силы, все духовное напряжение, чтобы уйти от атмосферы провинции, от ее далекого репертуара, чтобы сохранить вкус к классике.

Все четче и яснее становится творческий почерк актрисы.

С 1945 года Клара Георгиевна прочно связывает свою судьбу с Ярославским театром имени Ф. Г. Волкова. С самого начала ей поручают большие и ответственные роли — Нетину в «Талантах и поклонниках», Аннушку в «Обыкновенном человеке», Катю в «Хожении по мукам». «Ее прямога благородна, — отмечали критики, — силе ее большого и целомудренного чувства верить, мечта ее о героическом